

Йоланта Йузьвяк

Университет им. Казимира Великого (Быдгощ, Польша)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПЕРЕДАЧИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКО-ПОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Когнитивное направление в науке дало возможность по-новому посмотреть на вопросы, многие годы волнующие исследователей. В кругу заинтересованности ученых оказался способ организации и осмысления окружающей человека действительности, находящий свое отражение в языке. Возникшая в результате ментальных процессов языковая картина мира считается лингво – или этноцентричной, поскольку отражает «особый способ мировидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от каких-то других языков», проявляющийся «в национально специфическом наборе ключевых идей – своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими языковыми средствами самой различной природы» (Апресян 2006: 35).

Польским исследователем языковой картины мира Ежи Бартминьским данное понятие определяется как «заклоченная в языке интерпретация действительности, которая может быть представлена в виде комплекса суждений о мире. Это могут быть суждения, либо закрепленные в самом языке, в его грамматических формах, лексике, клишированных текстах (например, пословицах), либо имплицированные формой и текстами языка» (Bartmiński 1999: 104).

В ходе настоящего анализа рассмотрению будут подвергаться фразеологические единицы, участвующие в формировании языковой картины мира. Сторонники лингвокультурологического подхода считают фразеологический фонд языка ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа, поскольку в такого типа единицах «законсервированы представления народа о мифах, обычаях, обрядах, ритуалах, привычках, морали, поведении и т.д.» (Маслова 2007: 43).

Перевод фразеологических оборотов всегда вызывал трудности в связи с их релевантными чертами: образностью, культурной обусловленностью и воспроизводимостью. Как отмечает Юрий Апресян, непереводаемость всегда считалась свидетельством этноспецифичности. Следует отметить, что

имеется в виду непереводаемость единицы одного языка столь же простыми единицами других языков и учитывается мера этноспецифических свойств (Апресян 2006: 35). Данное замечание появляется в ходе рассуждений о проблемах лексикографии в контексте картины мира, но можно его отнести и к межъязыковому переводу.

Переводческие соответствия, которые возникают при попытках возможно полной передачи смысла устойчивых сочетаний, обуславливаются сходствами и различиями культурного наследия представителей исходного и переводящего языков.

Следует помнить, что «идиомы – это своего рода микротексты, они гораздо сложнее любого слова» (Телия 1996: 178). Передача таких единиц в пространство другой культуры вызывает много затруднений также из-за причин их употребления в речи, что переносится на их роль в тексте. Следуя интерпретационной модели значения идиом Вероники Телии, Мария Ковшова пишет, что употребление фразеологизмов связано с ментальными операциями. С помощью языковых единиц данного характера коммуниканты обмениваются денотативной информацией о происходящем в мире, общаются и воспринимают оценку происходящего, получают впечатление от образа, лежащего в основе внутренней формы фразеологизма и являющего собой мотивацию, или основу для уподобления, при описании происходящего, а также испытывают эмоциональное отношение к сказанному/услышанному (Ковшова 2012: 72).

При воссоздании фразеологии оригинала, как отмечает Венедикт Виноградов, «необходимо сохранить смысловое, эмоционально-экспрессивное и функционально-стилистическое содержание». Важную роль играет упомянутая внутренняя форма фразеологизма, определяемая исследователем как «лексико-семантическое содержание свободного словосочетания, на основе метафоризации которого возник фразеологизм», или, иначе, – как «тот изначальный образ, который позволил свободному индивидуальному словоупотреблению постепенно стать фразеологической единицей со своим собственным устойчивым значением» (Виноградов 2006: 184). Внутренняя форма бывает прозрачной или затемненной, что неоднократно может повлиять на способ передачи фразеологической единицы при переводе, хотя она «часто способна лишь на относительную, а не на точную подсказку значения фразеологизма» (Виноградов 2006: 185).

Аналізу подвергаются фразеологизмы, почерпнутые из современной русской прозы¹ – двухтомного романа из цикла приключений Эраста Фан-

¹ Фразеологизмы, почерпнутые из цикла романов Б. Акунина о приключениях Эраста Фандорина и их переводов на польский язык, рассматриваются в монографии автора, ср. Józwiak 2016, где предлагается, между прочим, классификация переводческих соответствий.

дорина Бориса Акунина *Алмазная колесница* и его польского перевода Яна Гондовича *Diamentowa karoca*. Полученные таким образом пары соответствий рассматриваются с лингвокогнитивной перспективы, т.е. оценивается степень передачи формы, семантики, образа на фоне общих рекомендаций перевода данного типа языковых единиц.

Как отправная точка для учета когнитивного подхода в процессе анализа переноса фразеологических единиц может послужить то, что в терминологии Рональда Лангакера называется конструированием, т.е. человеческая способность воспринимать и портретировать одну и ту же ситуацию различным образом (Langacker 2009: 70).

Независимо от направления, с перспективы которого рассматриваются фразеологические переводческие соответствия, – когнитивного, лингвокультурного или с точки зрения теории перевода, – самым существенным вопросом кажется передача значения с обеспечением переноса ассоциаций, возникающих у читателей на основании восприятия самой языковой формы/структуры фразеологизма, а также его внутренней образности, достигаемой нередко путем осознания культурно обусловленных элементов.

На основании вышесказанного в анализируемом материале можно выделить две основные группы пар переводческих фразеологических соответствий: во-первых, со сходными и, во-вторых, с дифференцированными соотношениями составляющих элементов в языке оригинала и в языке перевода.

При переводе единиц, принадлежащих к первой группе, не должны появляться переводческие трудности. И действительно, часто именно так и получается, ср.:

«Люди надежные? *Язык за зубами держать* умеют?» [AK1: 113]

„Solidni ludzie? *Język za zębami umieją trzymać?*” [DK1: 97],

а также

«Дорога в этом месте описывала небольшую дугу, и было видно как на ладони железно-дорожный путь, давешнюю речку и мост» [AK1: 31]

„Plant opisywał w tym miejscu niewielki łuk i *widać było jak na dłoni* tory, rzeczkę i most, przez który niedawno przejechali” [DK1: 29],

или

«Как говорится, *береженого Бог бережет*» [AK1: 115]

„Jak to się mówi – *strzeżonego Pan Bóg strzeże*” [DK1: 99].

Целесообразно обратить внимание на факт, что корреспонденция соотношений обнаруживается во всех типах устойчивых сочетаний, выделяемых в исследовательской литературе по прагматическому критерию, т.е. в лексических, предикативных и компаративных фразеологизмах (Виноградов 2006: 183).

Сложность состава устойчивого сочетания, в принципе, не мешает найти удовлетворяющее соответствие, хотя бывают ситуации, когда переводчик может выбирать среди имеющихся в языке средств при воспроизведении фразеологизма, ср.:

«Раз иногда случаются чудеса – спасибо Тебе, Господи, а *смотреть дареному коню в зубы* – дурной тон» [AK2: 51]

„Skoro czasem zdarzają się cuda – dzięki Ci, Panie, a *patrzeć darowanemu koniowi w zęby* nie wypada” [DK2: 46].

В польском тексте появился один из возможных синонимичных вариантов перевода со словом *patrzeć* вместо чаще употребляемого *zaglądać*, ср.: *darowanemu koniowi w zęby się nie zagląda*.

Следовательно, надо отметить, что потенциальное сходство не обеспечивает правильного перевода, ср.:

«Йокогама – главный порт Дальневосточья. Здесь замышляются все британские маневры, отсюда ведутся хитроумные подкопы. Ведь *яснее ясного*, а сколько тянули! Ладно, *лучше поздно, чем никогда*» [AK2: 7]

„Jokohama to główny port Dalekiego Wschodu. Tu rodzą się wszystkie brytyjskie knowania, stąd biorą początek wszelkie perfidne intrygi. *Jasne jak dzień*, а ileż trwało! No trudno, *lepiej późno niż wcale*” [DK2: 7].

В качестве соответствия экспрессивного исходного сочетания *яснее ясного* в значении ‘совершенно понятно, очевидно’ должна быть употреблена единица *jasne jak słońce*. Трудно подозревать переводчика в незнании данной всеобщее используемой единицы. Появление в тексте варианта *jasne jak dzień* можно объяснить только ложными (в данной контекстуальной ситуации) ассоциациями, связанными со словом *jasny*, которые, вероятнее всего, возникли у переводчика на базе оппозиции: *jasny dzień* – *ciemna noc*, что привело к подбору нетрадиционного соответствия.

Намерение переводчика сохранить внутренний образ фразеологизма, а также потенциально возможное сходство элементов в обоих языках, может привести к еще более сложным последствиям.

Например, несоблюдение языковой конвенции приводит к явным переводческим ошибкам, в основе которых лежит не изменение семантики, только прямой перенос культурно обусловленной ассоциации, закрепленной

традицией. Такое решение влечет за собой языковые, точнее говоря, грамматико-стилистические неловкости и недоразумения в понимании из-за, можно сказать, ложной конструкции сцены/ситуации, ср.:

«Они будут *немые, как рыбы*, – серьёзно сказал Рыбников. *Ручаюсь головой*» [АК1: 113]

„*Węda milczeć jak ryby* – poważnie odpowiedział Rybnikow. – *Ręczę głową*” [DK1: 97].

Выражению из подлинника *нем как рыба* в значении ‘способен сохранять тайны’ соответствует фразеологизм *milczeć jak grób*. Дословный перевод не вполне обеспечивает перенос значения, разрушает стилистическую связность, ложная (с точки зрения языка перевода) внутренняя форма сохраняется, но поскольку это не закрепленный в культурной памяти образ, не возникают желательные ассоциации.

Все элементы фразеологического выражения связаны друг с другом и, как следует из примера, в результате нарушения (неправильного подбора) одного из них происходит что-то вроде цепной реакции. Важно подчеркнуть, однако, что соотношение базового слова с другими познавательными областями, чем это имеет место в исходном языке, не мешает эквивалентности. Следует отметить, что в такой ситуации изменяется внутренняя образность, имеющая культурные истоки, однако с переводческой точки зрения – образность сохраняется, только на основании другой внутренней формы иного базового слова, согласно культурно-языковому наследию представителей языка перевода. Подобного рода прием вполне допустим в межкультурной коммуникации, если культурная обусловленность образности элемента не является сутью когнитивной информации.

Если языки близкородственны, как в случае рассматриваемой пары языков, возрастают шансы на передачу всех ценностей, о чем свидетельствует пара соответствий: *ручаться головой* – *ręczyć głową* со значением ‘брать на себя ответственность за кого-либо, гарантировать что-либо’, аналогично другим представленным парам, в которых обнаруживается потенциальное сходство соотношений.

Ко второй группе пар переводческих фразеологических соответствий причисляются единицы с заложенной дифференциацией соотношений составляющих их элементов в оригинале и в переводе. Различия в восприятии опираются на другой «изначальный образ», другую «основу для уподобления при описании происходящего», т.е. внутреннюю форму базовых слов в указанном сочетании.

Однако замена базового слова исходного фразеологизма другим словом, на основании которого формируется в сознании представителей принимающей культуры другой образ, в принципе не считается особой переводческой проблемой и не мешает соответствующему восприятию определенного

фрагмента текста. Конечно, при одном условии: используемая в переводе фразеологическая единица действительно могла бы быть употреблена носителями языка в описываемой ситуации. Следовательно, она обеспечивает такое же восприятие всех параметров представляемого события, как, например, в нижеследующих фрагментах:

«– Кроме уверенности в том, что Суга виновен, и кое-каких деталей, не подтвержденных доказательствами, у нас ничего нет, – кисло сказал Эраст Петрович, уже не сомневаясь, что *заварил всю эту кашу* напрасно. Хитроумная и сомнительная с нравственной точки зрения операция мало что дала» [AK2: 316]

„– Prócz upewnienia się, że Suga naprawdę jest winien, i paru niepotwierdzonych żadnymi dowodami drobiazgow, nic więcej nie mamy – rzekł kwaśno Erast Pietrowicz, nie wątpiąc już, że tylko niepotrzebnie *nawarzył piwa*. Przemyślna i wątpliwa z moralnego punktu widzenia operacja niewiele przyniosła” [DK2: 288].

Оба фразеологизма имеют значение ‘затевать какое-либо сложное, хлопотливое или неприятное дело (о человеке, который своими действиями создает сложное или неприятное положение)’ и оба выражения являются частями пословиц (ср. *Сам кашу заварил, сам и расхлебывай* и *Nawarzyłeś piwa, to musisz je teraz (sam) wypić*).

Бывают также случаи, когда замена может привести к существенным изменениям в восприятии перевода. Изменение интерпретации описываемой ситуации можно проследить на примере следующего фрагмента оригинала:

«Метнулась к стоп-крану и рванула ручку. Все, кто находился в коридоре, *кубарем полетели* на пол. Поезд, подпрыгнув, мерзко заскрежетал по рельсам» [AK1: 33]

и его перевода:

„Rzuciła się do hamulca bezpieczeństwa i szarpnęła uchwyt. Kto tylko stał w korytarzu, *poleciał na leb, na szyję*. Pociąg, stanąwszy dęba, zazgrzytał po szynach” [DK1: 30].

Значение выражения *полететь кубарем* ‘упасть, бесконтрольно кувыркаясь и оборачиваясь вокруг своего центра тяжести до прекращения движения’ не сохраняется в переводе, потому что польское соответствие *polecieć na leb na szyję* обозначает ‘bardzo szybko, co tchu, w wielkim pośpiechu (biec, uciekać)’. В описываемой ситуации никто не бежит, не убегает, все просто падают, переворачиваются. Наличие ключевого атрибута в оригинале и его отсутствие в переводе, с одновременным введением другого атрибута (бегство) существенно меняет ментальный образ ситуации, конструированный читателем, и не гармонирует с контекстом. Нельзя забывать также о культурной обусловленности русского устойчивого сочетания, которое обращается к когнитивным знаниям носителей русского языка и образу древнерусской

игры кубарь. Перенос подобных, обоснованных на внутренней форме ассоциаций невозможен даже при правильном переводе, но это не мешает передаче других ценностей и соответствующему восприятию ситуации.

Обнаруживаются также случаи, когда не только разная, но и затемненная внутренняя форма не исключает достижения цели – найти успешное в данном контексте соответствие. Проанализируем очередной фрагмент романа:

«А может быть, он *того*, испугалась вдруг Лидина. Как теперь говорят, с *кукареку* в голове?» [АК1: 164],

а также его переводческий вариант:

„A może jest *trącony*? – złęka się nagle Lidina. Jak to mówią: *ma kuku na muniu*?” [DK1: 141].

Первую пару *он того – jest trącony* вообще невозможно принять как переводческую, потому что здесь не обеспечено даже общее денотативное значение, не говоря уже о ложных коннотациях, ассоциациях и невозможности представить себе ситуацию. Для данного сочетания, обозначающего ‘глуповатый, ненормальный’, можно найти несколько соответствий, описывающих лицо, обладающее данными чертами, например: *pomyłony, stuknięty, postrzelony, obłąkany* и т.п., поэтому выбор переводчика недопустим. Данное предложение могло бы также прозвучать: *A może on jest nie tego?*

С точки зрения образности намного интереснее вторая переводческая пара: *с кукареку в голове – ma kuku na muniu*, хотя из-за метафорической связи с действительностью русского звукоподражательного слова *кукареку*, соотношений с поговоркой *ни бе ни ме ни кукареку*, а также из-за непрозрачности внутренней формы прежде всего польского варианта ассоциации остаются в сфере предположений. В основе обоих выражений лежит осуждение интеллектуальных возможностей человека на основании удивительного поведения. При полном сходстве значения и конситуации осознаваемость внутренней формы, можно сказать, теряет значение. О подобного рода случаях В. С. Виноградов писал: «[...] внутренняя форма нейтрализована. Носители языка воспринимают само значение фразеологизма и все его контекстуальные оттенки», а «переводчик обязан искать смысловое, экспрессивное и функционально-стилистическое соответствие фразеологизму оригинала» (Виноградов 2006: 185).

Трудность при переводе фразеологизмов может быть связана также с тем, что для сохранения фразеологической структуры переводчик допускает некоторые семантические сдвиги. Такую ситуацию иллюстрирует нижеприведенный фрагмент и его польский вариант:

«Всякое хоть сколько-то важное решение, любое решение неповоротливой туши было невозможно без воли одного-единственного человека, который, увы, и сам был не *семи пядей во лбу*» [АК1: 63]

„Każda istotna decyzja, byle poruszenie nieruchomości tuszy wymagały decyzji jednego jedyne- go człowieka, który sam bynajmniej do *szpakami karmionych* nie należał” [DK1: 55].

Семи пядей во лбу имеет значение ‘необыкновенно умный, талантливый, выдающихся умственных способностей’. Польское выражение *szpakami karmiony* ‘chytry, przebiegły, zaradny’ /хитрый, лукавый/ также относится к умственным способностям, но на первый план выдвигается другой атрибут, а именно: использование возможностей для определенного поведения, которое, как правило, оценивается неодобрительно. Наличие отрицательной частицы *ne/nie* интенсифицирует качество, определяемое фразеологизмом, что углубляет различия в коннотациях. Следует отметить, что в польском языке существует фразеологизм *nie w ciemną bity* со значением ‘niegłupi, zaradny, umięjący zachować się w każdej sytuacji’ с одобрительной коннотацией, но он также вполне не соответствует русскому. Возможно, переводчик должен был отказаться от фразеологической формы передаваемого выражения и воспользоваться, например, словом *błyskotliwy*, т.е. употребить фразу *nie był zbyt błyskotliwy*.

Представленный иллюстративный материал свидетельствует о том, что изменение семантики, обоснованная или необоснованная замена слова влечет за собой возникновение других ассоциаций, приводящих к определенному восприятию текста.

Когнитивное конструирование сцены, вместе со всеми последствиями возможных его корректировок, кажется довольно полезным инструментом для оценки адекватности замены оригинальной фразеологической единицы выбранным переводческим вариантом. При использовании хотя бы элементов данного метода легче оценить мотивированность и обоснованность введения переводческого соответствия в определенной ситуации и культурном пространстве.

Библиография

- Акунин Б. (2003/2008), *Алмазная колесница*, т.1, *Ловец стрекоз*, Москва. – [AK1]
 Акунин Б. (2003/2008), *Алмазная колесница*, т.2, *Между строк*, Москва. – [AK2]
 Akunin B. (2005), *Diaamentowa karoca*, t. 1, *Łowca wazek*, przeł. J. Gondowicz, Warszawa. – [DK1]
 Akunin B. (2005), *Diaamentowa karoca*, t. 2, *Między wierszami*, przeł. J. Gondowicz, Warszawa. – [DK2]
 Апресян Ю.Д. (ред.) (2006), *Языковая картина мира и системная лексикография*, Москва.
 Виноградов В. С. (2006), *Перевод. Общие и лексические вопросы*, Москва.
 Ковшова М. Л. (2012), *Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры*, Москва.
 Маслова В. А. (2007), *Лингвокультурология. Учебное пособие*, Москва.
 Телия В. Н. (1996), *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*, Москва.

Bartmiński J. (1999), *Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata*, [w:] *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Lublin, s. 103–120.

Józwiak J. (2016), *Konteksty – Decyzje – Konsekwencje. Problemy przekładu*, Bydgoszcz.

Langacker R. W. (2009), *Gramatyka kognitywna. Wprowadzenie*, tłum. E. Tabakowska, M. Buchta, H. Kardela i inni, Kraków.

Jolanta Józwiak

ABOUT SOME ASPECTS OF TRANSMITTING PHRASEOLOGICAL UNITS IN RUSSIAN TO POLISH TRANSLATION

(Summary)

The aim of the paper is to present problems which may occur in translation of phraseological units. On discussed examples the author analyses how the attempt to preserve by the translator an internal figurativeness of idioms influences to the choice of equivalent. To explain decisions and consequences were used cognitive approach.

Keywords: phraseological units, translation, internal figurativeness, cross-cultural communication.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПЕРЕДАЧИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКО-ПОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДЕ

(Резюме)

В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается переводчик в процессе перевода фразеологических единиц. Анализируя примеры переводческих соответствий, автор пытается показать, каким образом стремление сохранить внутреннюю форму фразеологизма влияет на выбор соответствия. Для оценки и объяснения переводческих решений используются элементы когнитивного метода.

Ключевые слова: фразеологические единицы, перевод, внутренняя форма, межкультурная коммуникация.